

ИНТЕРВЕНЦИЯ И ГИПНОЗ РЕВОЛЮЦИИ

По-видимому неизбежным и злым условием наших смутных лет надо считать полное и всестороннее смещение и искажение всякого рода определений и понятий, как в сфере политики, так и в области религии, искусства и гуманитарных наук. Исчезла из обихода точная терминология, во многом устаревшая, во многом лукаво и безграмотно подвергнутая уличной митингово-демогогической обработке. В подтверждение сказанного можно привести бесчисленное количество классических образчиков. Кто например решится по чести с истинно философской точностью указать, что следует почитать в искусстве реализмом и что романтизмом? А между тем эти давно переставшие в действительности существовать понятия продолжают фигурировать в любой стране и в любом учебнике по литературе и искусству. Над определением того, что такое государство, нация, шовинизм и национализм, демократия и демократичность, революция и контр-революция, реакция и прогресс, честно думающему грамотному человеку пришлось бы проработать годы, шаг за шагом разбирая и распутывая невообразимый беспорядок, учиненный в этом направлении газетной публицистикой и главным образом митинговыми ораторами — неустранимой язвой наших дней.

Уже давно ставшее приблизительным, честное мышление окончательно иссякло под влиянием, во всех государствах мира, пришедшей к власти улицы. Одновременно наглые и трусливые толпы своекорыстных проповедников и вождей заговорили о религиозных истинах, стали вертеть по-своему отвлеченными, чисто духовными понятиями. И вот теперь, когда по сбывшемуся слову поэта — «На земле уединенья нет» — «мыслительный разврат проникает в лучшие умы. Необходимо обобщить слова Чаадаева, утверждающие исключительно русскую неосновательность, и смело сказать, что

ныне, в самой лучшей западно-европейской голове, есть нечто более чем неосновательное, есть недостойный страх перед определением и правдивым наименованием вещей и явлений. Так отважный и мудрый в своих деяниях вождь современной Италии упорно продолжает называть революцией собственную победу над революцией, а заодно революционными проведенные им государственные реформы. Еще недавно в своей политической речи он наименовал «демократической» им установленную диктатуру. Демократическая диктатура! Каково сочетание? Видный французский публицист тщетно возражал Муссолини, что если называть демократической итальянскую диктатуру, то почему бы собственно не почитать таковой всякую государственную власть вообще. Ведь нет же и не было истинной государственной власти, которая существовала бы не ради народных нужд, а ради собственного удовольствия существовать. Прибавим от себя, что именно в силу этой причины нелепо считать государственной властью большевицко-международное засилье над Россией. По слову Апостола Павла, «начальник носит меч не напрасно». Однако, всем известно, что большевики носят меч совершенно напрасно, и следовательно, властью именоваться не могут.

Французский публицист вполне разумно напомнил Муссолини, что лишь различные формы народоправства принято было до сих пор считать демократическими и что нет причин учинять терминологическую путаницу.

Существуют две первичных идеи государственного властвования: — власти отеческой, вознесенной над народом, но понимаемой как служение народу, и власти, выдвигаемой по воле самого народа, на основе его самоизъявления и постоянного общественного контроля. Лишь вторая идея государственного властвования может почитаться демократической.

Стоит ли после рассказанного о Муссолини упоминать о наших эмигрантских потугах по части терминологии? Русская поговорка создавалась не даром: куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Лет десять тому назад мы обогатились

новым, поистине смехотворным термином — «национальной революции». Любопытнее всего, что вслед за младороссами, — юношами гибкими и весьма склонными к политической лжи и влиянию, — наткнулись на этот коварный гвоздик вполне благонамеренные люди из среды национально настроенной молодежи, и даже некоторые седовласые публицисты, — наткнулись и крепко повисли:

Являя взорам меньших братьий
Ряды комических распятий.

Все это можно объяснить лишь особым гипнозом революции. Еще задолго до кровавой эпопеи 1789 года, над извращением всех определений и понятий тщательно потрудились французские энциклопедисты. Уроки великого, вольнолюбивого убийства себе подобных во Франции были обожествлены всею Европой, и в особенности населением России. Настойчиво в течение ста лет, во всех средних и высших учебных заведениях исподволь, под сурдинку, проповедывалось у нас безбожие, внушалась ненависть к красоте в искусстве и поэзии, высмеивалась государственная власть, воспевалось глупейшее народничество, восхвалялся доморощенный утилитаризм Писарева и Чернышевского. И когда в конце семидесятых годов Боборыкин изобрел словечко — «интеллигент» для определения людей, начитавшихся социалистических брошюрок и преданных священной революционной секте, то без малого все россияне с образовательным цензом чрезвычайно обрадовались и поспешили присвоить себе эту кличку. Явление в высшей степени характерное и важное: так ответило русское общество длительной подпольной пропаганде. Получилось нечто обратное библейскому сказанию. «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей». В анекдотическом случае боборыкинского «интеллигента» русский человек на-

звал не животных и птиц, а самого себя, и ставши самозванцем, тотчас же сросся по существу со своим новым позорным наименованием. С тех пор, несмотря на небывалое крушение, постигшее нас, мы втайне, бессознательно, продолжаем поклоняться все тому же идолу. Мы твердо усвоили разнузданный и гнусный революционный жаргон, а по отношению к настоящему человеческому языку страдаем неисцелимой словобоязнью. Истинное слово божественно, оно содержит в себе доподлинную сущность вещей, явлений и понятий. Извратить слово значит исказить свою душу, а искалечить собственную душу значит неминуемо извратить божественную правду, содержащуюся в слове. Вывод отсюда прост и ясен: провалившись в безну революционного небытия, мы устрашились не только слов, но и самих жизненных явлений и понятий, и ныне мы боимся настоящих противореволюционных действий, пугаемся благодетельной реакции, трепещем перед интервенцией и здоровое сочувствие иностранному вмешательству в нашу кровавую погибель, мы выдаем за измену родине. Такого рода шовинистический патриотизм лишь одно из бесчисленных следствий нашего крайнего духовного нездоровья. Столетнее подпольное обучение революционному хихиканью над Богом живым и миром Им созданным, довело нас до полного отрицания основного закона жизни, главного двигателя бытия. Мы забыли, что все в мире живет, дышет и движется всесторонней свыше благословенной правдой взаимовмешательства, взаимопроникновения.

Сусальный стиль «рюсс», будто бы навязанный нам западной Европой, мы охотно и давно усвоили себе сами. Во имя призрачных, народнически-славянофильских положений мы готовы во веки веков терпеть большевицкое засилие и навсегда пренебречь заветами Петра Великого, от которых, — правду необходимо сказать до конца, — остались лишь ножки да рожки. И все же в припадке развратного снобизма мы при случае выдаем себя за последователей величайшего из русских императоров. Отравленные революцией, ее лунатические рабы, мы полюбили декламацию, облеклись

в ораторскую тогу, нарядились в пестрые эстрадные доскутья, и, что страшнее всего, переняли мимику, движения, ужимки и прыжки революционных «тарараторов». Поистине пророчески оправдались некогда несправедливые слова Чаадаева: «Великий царь бросил нам мантию просвещения, — мы подняли мантию и не коснулись просвещения». Теперь тяготеет над нами вторая часть зловещей чаадаевской программы: «Мы — великий пример того, как не надо жить, и когда дадим его миру, то неизбежно погибнем».

Залог нашего спасения прежде всего в отказе от революционной лже-терминологии, в перевоспитании себя, в тяжелой сознательной работе над отходом от революционных навыков, прочно засевших в нас на подобие лягушки в тине.

Дьявольская сущность революции раскрывается между прочим через демагогическую фразеологию, т. е., попросту говоря, через дух любоначала и празднословия. Вылущенные, лишенные внутреннего смысла, пустые слова гулко резонируют в несчастной, запуганной демагогией голове ни в чем неповинного человека. И ныне мы боимся самых основных понятий и слов, невольно искажая их верное значение: царь, помещик, реакция, контр-революция, интервенция кажутся нам какими то пугалами. — Помещик. — Ах бедный, великий смирением мужик! — Реакция. — Ах, отсталость! — Интервенция. — Ах, измена отечеству!

Революция и забвение собственного и чужого прошлого — синонимы! В годы, неизмеримо менее кровавые и менее смутные, чем наши, Петр Первый, возжелавший для России славы и мощи, не побоялся опереться на немецкую слободу. В те времена такой поступок всей Московией воспринимался, как измена родине: с немецкой слободой православному человеку общаться было преступлением. Петр, с помощью шведов, голландцев и швейцарцев, вырвал таки Россию из смут, суеверия, суесловия и бабьей ворожбы. Правда, за это благодарный народ прозвал его антихристом, что не помешало России благоденствовать двести лет. Можно сказать, что Петр, путем чужеродной, насильственно сделанной привив-

ки, преобразил зоологическую человечину в людей и россиян.

Немногим ранее, при царе Алексее Михайловиче, с низовьев Волги, в глубь русского государства, двинулся со своею шайкою Стенька Разин — воплощение нашей анархии. Безнаказанно, грабя, сжигая церкви и убивая, он докатился до Симбирска. Стрелецкие воеводы, далеко не изжившие недавней смуты, сдавались ему без боя, выходили с хлебом с солью навстречу разбойнику. В Симбирске стоял полк *иноземного строя* под командой князя Барятинского, состоявший более чем наполовину из иностранцев. Достаточно было короткого удара чтобы Разин покатился обратно и без единой задержки добежал до Дона, где и был выдан домовитыми казаками московскому правительству. Пример таких *petites interventions* (малых вмешательств), разумно допущенных неокрепшей властью, можно было бы множить без конца, — ими изобилует история любой страны всего человечества.

Неизменный и единственный принцип зарождения всякой империи — предварительная глубокая интервенция. Английская империя обязана своим существованием Вильгельму Завоевателю, французская — римлянам, германская — Пруссии, российская — скандинавам, татарам, полякам и шведам поочередно.

Закон взаимного втекания, проникания друг другом, властно выдвигает сильного и заставляет слабого воспрянуть духом. В обмене духовных веществ, под напором крепчайшего здоровья, судьбы наций чередуются. «Сегодня ты, а завтра я», но не по изъявлению слепого рока, а по воле упорного стремления к достижению цели. Один из самых пагубных «гуманных» сюрпризов, выработанных в глухих подпольях позитивного 19 века, это принцип «самоопределения народностей», невмешательства в чужие дела. Мертвенная, коротенькая идейка! Революция, как всякий вид беспримесного зла, вынуждена и тут паразитировать на бытии, устраивать подмену. Лукавые сторонники туземного застоя выдают себя за проповедников *иокоя*, необходимого

для осуществления человеческого творчества. Однако, по мудрому выражению поэта — «жизнь для волнения дана, жизнь и волнение — одно».

Творческий покой есть следствие предварительного испытанного жизненного волнения, и он прямо противоположен гнилостному брожению застоя — движению вспять, ведущему к смерти.

Вмешательство якобы в чужие дела в действительности есть принцип глубоко христианской, соборной взаимопомощи. Существование биологическое и духовное зиждется на незыблемом законе вмешательства. Но об этом, за недостатком места, мы поговорим в следующем очерке.